

Корневский А. В. Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «перяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого / А. В. Корневский, Н. Д. Николаева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 410—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422.

Korenevskiy, A. V., Nikolaeva, N. D. (2020). Russian-Polish Relations at the Turn of the “Long XII Century”: from the “Pereyaslavl Crisis” to the Death of Roman Galitsky. *Nauchnyi dialog*, 11: 410-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422. (In Russ.).

УДК 94(47).027+94(438.11)“1132/1204”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-410-422

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ИЗЛОМЕ «ДОЛГОГО XII ВЕКА»: ОТ «ПЕРЕЯСЛАВСКОГО КРИЗИСА» ДО ГИБЕЛИ РОМАНА ГАЛИЦКОГО¹

© Корневский Андрей Витальевич (2020), orcid.org/0000-0002-0617-121X, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), koren@sfedu.ru.

© Николаева Наталья Дмитриевна (2020), orcid.org/0000-0002-0841-3294, аспирант третьего года обучения Института истории и международных отношений, ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), natp@sfedu.ru.

Данная статья является продолжением работы «Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников: от Любечского съезда до “перяславского кризиса”», опубликованной в предыдущем номере. Рассматривается вопрос о системе русско-польских отношений в период наступления политической раздробленности Руси (с 1132 года) и кардинального изменения расстановки сил относительно Киевского княжества. Представлены доказательства того, что тезис о религиозном факторе как о решающем в русско-польских взаимоотношениях не соответствует реалиям 30—90 годов XII века. Показано, что внутренние и внешние политические обстоятельства 30—40 годов XII века заставили Киев и Краков пойти на сближение. Подчеркивается, что тенденция на сближение сохраняется на протяжении второй половины XII столетия. Особое внимание уделяется характеру русско-польских отношений рубежа XII—XIII веков. Авторы отмечают, что ситуация в русско-польских отношениях начинает кардинально меняться в первом десятилетии XIII века. Приводятся доказательства того, что причины кардинальных изменений были связаны с политическим курсом галицко-волинского князя Романа Мстиславича и результатами IV крестового похода, который положил начало цивилизационному расколу в Европе.

Ключевые слова: Русь; Польша; XII век; политическая раздробленность; имперская идея; «латинская» Европа; цивилизационный раскол; Роман Мстиславич.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.

1. Враги врагов, друзья друзей... (1139—1154)

После смерти Мстислава Великого в 1132 году в Киеве утвердился его младший брат Ярополк Владимирович (1132—1139), который практически сразу предпринял попытку перераспределения княжеских столов. В частности, старший сын Мстислава Великого, Всеволод, княживший до этого в Новгороде, был переведен в Переяславль, на который неожиданно предъявил свои претензии ростово-суздальский князь, сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий. Он изгнал Всеволода Мстиславича из Переяславля [ПСРЛ, т. 2, стб. 295]. Не удержался на этом престоле и Изяслав Мстиславич, которого киевский князь Ярополк пытался посадить в городе вместо Всеволода [ПСРЛ, т. 2, стб. 295]. В 1134 году, «не послушавъ брата своего Ярополка» [ПСРЛ, т. 2, стб. 295], покинул Переяславль и вернулся княжить в Туров «преемник» Изяслава Вячеслав Владимирович, следствием чего стал факт признания киевским князем прав Юрия Долгорукого на Переяславское княжение.

Ситуация «переяславского кризиса» со всей очевидностью продемонстрировала тот факт, что политическому и династическому единству клана Мономашичей пришел конец [Котышев, 2016, с. 39]. При этом раскол клана на две группировки — старших Мономашичей и младших Мстиславичей — был очень выгоден для черниговского князя Всеволода Ольговича. Еще в результате решений Любечского съезда его отец, Олег Святославич, получил Чернигов, но при этом черниговские князья были исключены из системы киевского столонаследия [Назаренко, 2009, с. 93]. Однако претензии на занятие киевского престола с определенной долей условности они предъявлять могли. В 1073—1076 годах в Киеве утвердился дед Всеволода Ольговича, Святослав Ярославич, который изгнал оттуда старшего брата, князя Изяслава. Безусловно, с точки зрения лестничной системы наследования Святослав не имел никакого права совершать подобный поступок и юридически не являлся легитимным правителем Киевского княжества, что влекло за собой последствия и для его потомков. Однако крайне спорная легитимность утверждения самого Владимира Мономаха на киевском престоле в сочетании с расколом в клане Мономашичей, наступившим после смерти Мстислава Великого, давало возможность предъявить претензии на власть в Киеве Всеволоду Ольговичу. Это, собственно, и произошло в 1139 году, когда этот князь, нарушив все устои, утвержденные на Любечском съезде, захватил власть в Киевском княжестве.

Характер русско-польских отношений кардинально меняется после потери Мономашичами контроля над Киевом и утверждения там в 1139 году династии Ольговичей. Разумеется, было бы неоправданным упрощением считать приход к власти новой династии единственной причиной завершения конфронтации. Однако в условиях, когда обе страны вступили в эпоху политической раздробленности, вероятность формирования альянсов по принципу «враг

моего врага...» закономерно возросла. Борьба с Мономашичами подталкивала Ольговичей к союзу с преемниками их противника Болеслава Кривоустого. В первый же год своего княжения в Киеве Всеволод прибег к помощи поляков в борьбе с Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем [ПСРЛ, т. 2, стб. 306], а в 1141 году этот союз был закреплен брачными узами: «ѡда Всеволодь дчѣрь свою Звѣнисловоу в Лажы за Болеслава» [ПСРЛ, т. 2, стб. 313] — сына польского князя-принцепса Владислава II Изгнанника. В 1142 году русские отряды оказали поддержку Владиславу в борьбе с его младшими братьями Болеславом и Мешко: противники встретились возле г. Черска, однако до военных действий дело не дошло [Miskiewicz, 1970, p. 367]. Усобица в Польше достигла пика после смерти мачехи Владислава II Саломеи в связи с тем, что младшие Болеславичи воспротивились присоединению ее удела к владениям князя-принцепса. Тот обратился за помощью к Всеволоду Ольговичу и незамедлительно получил ее. Великий князь собрал войско во главе со своим братом Игорем, незадолго до этого провозглашенным наследником киевского престола [ПСРЛ, т. 1, стб. 312]. Ольговичам, видимо, удалось собрать достаточно внушительное войско, поскольку Болеслав и Мешко не рискнули вступить с ними в бой. Они приняли условия Владислава, продиктованные Игорем, уступив брату четыре города, а его русским союзникам — город Визну.

Описанные события могут показаться возвратом к той ситуации, которая сложилась в русско-польских отношениях на рубеже XI—XII веков с той лишь разницей, что место Изяславичей заняли Ольговичи. Тем не менее последующие события свидетельствуют в пользу того, что никакой последовательной стратегии в отношении Польши у русских князей в то время не было, а мотивация их действий была сугубо ситуативной.

Несмотря на все усилия Всеволода Ольговича ему так и не удалось закрепить киевский стол за своим кланом. Вскоре после смерти князя киевляне, недовольные правлением Игоря, перевернули на сторону Изяслава Мстиславича. Мономашичи вновь утвердились на великокняжеском престоле, но за этим не последовало возврата к той политике, которую проводили в отношении поляков Владимир Мономах и Мстислав Великий. Очевидно, главную роль сыграло то обстоятельство, что ни Изяслав, ни Болеслав IV Кудрявый, занявший краковский престол в 1146 году, не обладали той властью, которой располагали их предки. Изяслав враждовал с Юрием Долгоруким, а Болеслав вынужден был отражать атаки на польские рубежи прусских племен. Таким образом, обе стороны были вынуждены пойти на сближение. Кульминацией этого курса стал совместный русско-польский поход в Прибалтику против пруссов, досаждавших Польше. Благодаря немецким хронистам этот поход вошел в историю как часть Второго крестового (1147—1149 года), широко разрекламированного Римом: хронист с особым чувством замечал, что

«с огромнейшим войском выступила даже Русь, хотя и не совсем правоверная, но все же отмеченная званием христианским» [Древняя Русь ..., 2010, с. 189]. Вопрос о том, какому именно русскому князю принадлежало войско, участвовавшее в походе, остается дискуссионным, вплоть до полного отрицания возможности определения его состава [Wlodarski, 1959, p. 27.]. Однако мы склонны согласиться с точкой зрения А. Б. Головки, считающего, что речь идет о дружинах Изяслава Мстиславича. Это подтверждается сведениями источников о дружественных связях князя с младшими Болеславичами в конце 40-х годов XII века [Головки, 1983, с. 78].

Таким образом, в ситуации политического полицентризма, почти синхронно установившейся на Руси и в Польше, верховные правители обеих стран оказались остро заинтересованы во взаимной поддержке и поэтому готовы были вступать в альянсы, едва ли возможные ранее. Острая нужда в союзниках побуждала к большей гибкости: таковыми могли теперь стать не только враги врагов, но и друзья друзей — даже если ранее их числили в стане противников. Так, Болеслав IV был вынужден примириться не только с Мономашичами, но и с союзной им Империей, которая ранее поддерживала Владислава II, свергнутого Болеславом. Более того, польский князь принял участие в крестовом походе, инициированном немецкими князьями и направленном не только против пруссов, но и против балтийских славян, чьи земли всегда были яблоком раздора между Германией и Польшей. В свою очередь, в изменившихся обстоятельствах клан Мономашичей, ранее придерживавшийся антипольского курса, также вынужден был сменить приоритеты. В то же время мы можем наблюдать определенную преемственность в идеологическом обрамлении этой политики. Подобно Владимиру Всеволодовичу, проявлявшему интерес к крестоносному движению и облекавшему предпринятые им походы против «поганых» в соответствующие символические формы, его внук поступал таким же образом. Более того, западные союзники Изяслава были в этом с ним полностью солидарны, поэтому совместные действия русских и польских полков вошли в анналы как часть Второго крестового похода.

2. Вперед, в прошлое! (1154—1205)

Во введении к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс высказал мысль, которая может служить ключом к дешифровке многих исторических головоломок: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые <...> даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс, 1957, с. 115]. Слова эти имеют прямое отношение и к событиям, развернувшимся на Руси во второй половине XII века.

К тому времени в политическом ландшафте страны произошли разительные перемены, в сравнении с которыми эпоха Ярослава Мудрого и времена Владимира Мономаха были, казалось, овеяны легендарным величием. После смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году киевский стол занял Изяслав Давыдович, сделав это не без помощи Глеба Юрьевича, сына ростово-суздальского князя. Таким образом, полная зависимость Киева от амбициозных суздальских князей становилась лишь вопросом времени. По сути, конечной точкой в этом вопросе стало взятие Киева сыном Андрея Боголюбского Мстиславом в 1169 году, после чего город окончательно потерял свое бывшее политическое значение.

Эпицентр русско-польских взаимоотношений в этот период практически полностью переместился в Южную Русь, где традиционно «союз был обусловлен взаимопомощью в противоборстве с внутренними противниками» [Головко, 1983, с. 80]. В этом ключе действовал галицкий князь Ярослав Осмомысл, которому помогали поляки в разгоревшемся конфликте с Изяславом Давыдовичем Киевским в 1158 и 1159 годах. В династическом кризисе в Галичине 80-х годов XII века, возникшем после смерти Ярослава, поляки также принимали участие на стороне Романа Мстиславича Волынского.

В 90-х годах XII века вектор польской политики с Галича перемещается на Волынь. В 1191 году Роман Мстиславич помог краковскому князю Казимиру II в междоусобной борьбе с Мешко Старым [Щавелева, 1990, с. 107]. В 1195 году он содействовал наследникам Казимира II Лешку и Конраду в борьбе за власть [Щавелева, 1990, с. 109]. В свою очередь Лешек помог Роману в 1199 году захватить Галич [ПСРЛ, т. 2, стб. 708], что привело к первому объединению Галицкого и Волынского княжеств. Но в 1205 году «Роман <...> неожиданно вторгся в пределы Польши» [Великая хроника ..., 1987, с. 145], начав войну против бывшего союзника.

Молчание источников относительно мотивов, которыми руководствовался Роман, идя на Польшу, спровоцировало целую историографическую дискуссию. Зачастую историки обращаются к французской хронике Альбрика, пытаясь доказать, что Роман не собирался воевать с Лешком, потому что его поход не был направлен против Польши, но — через Польшу, в Саксонию [Котляр, 2003, с. 127; Майоров, 2008, с. 36—49; Пашуто, 2019, с. 441]. Действительно, в хронике четко указана конечная цель похода: «Король Руси по имени Роман <...> намеревался через Польшу достичь Саксонии, <...> был разбит и убит по Божьему промыслу на реке Висле двумя братьями, польскими князьями Лешком и Конрадом» [Albrici monachi ..., p. 885]. Однако возникает закономерный вопрос: если конечной целью похода Романа была Саксония, то чем обусловлены мотивы поступков его недавних союзников? Прямые ответы, как было сказано выше, дают только польские источники, где

в памяти потомков сохранилась версия об агрессии Романа непосредственно против Польши. Тем не менее даже польские историки сомневаются в ее достоверности [Wilkiewicz-Wawrzynczykowa, 1937, p. 20].

Поиск ответов на поставленные выше вопросы следует начать с самого простого — с личности Романа Мстиславича, и отправной точкой может послужить летописный панегирик первому галицко-волынскому князю: «Устремил бо ся бяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожахше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ, яко и турь. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомья половци» [ГВЛ, стб. 625]. В этой похвале особенно примечательно сравнение Романа с Владимиром Мономахом, заставляющее вспомнить слова Маркса о великой власти традиции над умами людей.

Очевидно, летописец высказывал не только свое мнение, и столь же очевидно, что его читатели не видели оснований не соглашаться с ним. Параллели напрашивались сами собой. Действительно, в 1200—1203 годах Романом Мстиславичем была осуществлена целая серия походов против половцев. К 1203 году Роман сформировал широкую коалицию русских князей против Степи, среди участников которой летопись упоминает Рюрика Ростиславича Киевского, Ярослава Всеволодовича Переяславского и племянников Рюрика — Мстиславичей. Поход завершился грандиозной победой: «И взяша Рускии князи полону много, и стала и заяша и возвратиша во свояси с полоном многим» [ГВЛ, стб. 626].

Следует отметить и иные параллели. На сохранившихся печатях Владимира Мономаха он именуется всеобъемлющим титулом «Архонт всея земли Русской» [Янин, 1970, с. 16], который отражает «генетическую связь линии Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом» [Литаврин и др., 1962, с. 217] и указывает на него как продолжателя имперских притязаний деда. Роман Мстиславич входит в летописи с титулом «самодержец Всея Руси», «царь в Руския Земли». Причем, как убедительно доказал А. В. Майоров, в случае с первым галицко-волынским князем царский титул выступал исключительно в своей светском (имперском) значении: Роман Мстиславич был царем, потому что не просто княжил в Русской земле, но и был победителем и завоевателем других стран [Майоров, 2009, с. 256]. На геополитический масштаб деяний этого князя указывали и другие историки. Б. А. Рыбаков писал: «Волынь и Галич <...> составили большое и могущественное княжество, равное крупным европейским королевствам. Когда же Роман овладел и Киевом, то в его руках оказался огромный компактный кусок Русских земель, равный Священной Римской империи Фридриха Барбароссы» [Рыбаков, 2012, с. 262].

В заслугу Владимиру Мономаху историками ставится то, что «именно ему пришлось вырабатывать те принципы, которые легли в основу нового

политического устройства Руси» [Карпов, 2015, с. 6]. Но и Роману Мстиславичу в историографии приписано установление нового политического порядка: это была «новая система коллективного патроната, когда два мощнейших властителя Руси (Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и Роман Мстиславич), не претендуя лично на киевский стол, договорились об общем над ним контроле» [Головко, 2006, с. 320].

Получается, что и в источниках, и в историографической традиции Владимир Мономах и Роман Мстиславич наделены характеристиками политиков широчайшего масштаба. Правда, Владимир Мономах вошел в историю с позитивным имиджем, в то время как Роман предстает крайне противоречивой фигурой: одни историки видят в нем титаническую личность [Горовенко, 2011; Рыбаков, 2012], другие — одиозную фигуру [Толочко, 1997]. В данном контексте следует вспомнить о том, что Владимир Всеволодович был непревзойденным мастером политической рекламы, оставив после себя ряд идеологических произведений и отредактировав Повесть временных лет. Более того, после него этот пропагандистский проект продолжали его потомки. Но в отличие от Владимира Мономаха и Мономахичей у Романа Мстиславича на подобное просто не было времени: лишь в 1199 году ему удалось объединить Вольнь и Галич, затем на протяжении нескольких лет пришлось сочетать борьбу с половцами и внутривластные распри и, в итоге, нелепо погибнуть в 1205 году.

Параллели, проводимые между Романом и Владимиром, наталкивают на мысль о возможном сходстве причин конфликтов обоих князей с поляками. Рубеж XII—XIII веков — время, когда «Старая Русь умирала, потому что умерло единство интересов, поддерживающих объединительную политику Киева: интересов южной торговли и национальной самообороны против Степи» [Пресняков, 1993, с. 470]. Эти тенденции Роман Мстиславич ощутил на собственном примере, пытаясь утвердиться на Галицком престоле в разгар междоусобицы 80-х годов XII века и конфликтуя с киевским князем Рюриком в 90-х годах XII века. Слабость киевских правителей выражалась в том, что Владимир Ярославич, вернувшийся на галицкий престол в 1190 годах благодаря внешним силам, ощутил свое шаткое положение и обратился не к киевскому князю, а к владими́ро-суздальскому, фактически уйдя под его протекторат: «посла ко Всеволодоу ко оуеви своему в Соуждаль и моласа емоу вчѣ гчѣне, оудержи Галичъ подо мною» [ПСРЛ, т. 2, стб. 667]. В 1195 году киевский князь Рюрик вынужден был отнять волости, принадлежавшие Роману, в пользу все того же Всеволода Большое Гнездо [ПСРЛ, т. 2, стб. 683]. Военные действия Мстислава против Рюрика закончились неудачей, поверженный князь вынужден был некоторое время скрываться в Польше [ПСРЛ, т. 2, стб. 687].

Комплекс вышеуказанных обстоятельств заставил князя выработать четкую политическую стратегию, которая была бы эффективна как для управ-

ления и сохранения собственной волости, так и для обоснования своих экспансионистских притязаний. Удачным примером такой стратегии был политический курс Владимира Мономаха, который Роман Мстиславич во многом у него и позаимствовал. После объединения при помощи поляков Галича и Волыни в 1199 году «мономаховские» политические мотивы проявили себя в полной мере, выразившись в целой серии походов против Степи, участии Романа Мстиславича в разработке новой системы государственного устройства Руси в условиях феодальной раздробленности и наделении князя всеобъемлющим титулом «самодержец Всея Руси». Таким образом, к 1203 году Роман продемонстрировал, что действует в соответствии со всеми вышеозначенными политико-идеологическими паттернами. Но это не могло не обеспокоить поляков: еще свежи были в памяти воспоминания о русско-польском конфликте времен Владимира Мономаха.

Однако столь жесткая реакция на действия восточного соседа объясняется не только этими причинами, но еще и тем, что роль мощного катализатора сыграли последствия IV крестового похода. Известно, что взятие и разграбление «воинами Христа» Константинополя вызвало небывалый шок не только на Востоке, но и на Западе. Первоначальная реакция курии была столь жесткой, что рыцарям всерьез грозило отлучение от церкви. Однако в скором времени позиция папского престола кардинально поменялась, и все его пропагандистские ресурсы были задействованы для внедрения в сознание католиков убежденности в справедливости кары, постигшей «схизматиков». Разумеется, в условиях, когда обозначился цивилизационный разлом христианского мира, это не могло не влиять на мотивы политических действий по обе стороны этого разлома.

Согласно «татищевским известиям», в том же 1204 году к Роману Мстиславичу приходили послы от папы Иннокентия III с предложением королевского титула в обмен на принятие католичества, что было с презрением им отвергнуто. А. В. Майоров считает данные сведения достоверными [Майоров, 2010]. Не сомневался в этом и М. Н. Карамзин, достаточно избирательно относившийся к «Истории Российской» В. Н. Татищева [Карамзин, 1818, с. 111]. В любом случае, проявившие себя «мономаховские» политические паттерны в сочетании с последствиями IV крестового похода и наглядный пример противостояния Романа «латинству» сделали не только возможным, но и вполне закономерным устранение польскими правителями своего вчерашнего союзника, даже если допустить, что целью Романа действительно была не Польша, а Саксония. В новых обстоятельствах, когда по обе стороны русско-польской границы все большую значимость приобретало осознание своей религиозной принадлежности, Роман Мстиславич в глазах западных соседей предстал не только и, быть может, даже не столько

амбициозным политиком и удачливым полководцем (что опасно уже само по себе), сколько «схизматиком».

3. Исторический эпилог

В русско-польских отношениях XII века большую роль играл личностный фактор. Точнее — политическая стратегия, избранная тем или иным князем, находившимся у власти. Более того, огромную роль играла конкретная расстановка сил, которая становилась все более изменчивой и непредсказуемой, когда обе страны погрузились в пучину усобиц. Этим и была обусловлена ситуативность, преобладавшая в русско-польских отношениях. Поэтому представляется совершенно неоправданной трактовка отношений этих двух государств в XII веке как наглядной иллюстрации нарастания противоречий между двумя христианскими мирами. Более того, зачастую религиозный фактор играл не разделяющую, а консолидирующую роль. Лишь в конце правления Романа Мстиславича этот фактор начинает негативно сказываться на отношениях Руси и Польши, что было эхом одной из величайших катастроф в истории средневековой Европы — взятия крестоносцами Константинополя в 1204 года.

Расстановка политических сил, сложившаяся после гибели Романа, «облегчила западным соседям возможность вмешиваться во внутренние дела Галичины и Волыни и даже предпринимать шаги по разделу между собой богатого наследия князя» [Котляр, 2003, с. 126]. В сочетании с фактором цивилизационного раскола стало возможным разделение сфер влияния в Южной Руси между западно-христианскими странами — Польшей и Венгрией. Как следствие, сложилась ситуация, датируемая Галицко-Волынской летописью 1214 годом: «Король угроски посади своего сына в Галиче, а епископа и попы прогна, а свое попы приведе латинские на службу» [ПСРЛ, т. 25, л. 135]. Знаком дальнейшей эскалации конфликта стало решение польского князя Конрада в 1237 году отдать не принадлежавший ему волынский город Дорогичин рыцарям основанного им Добринского ордена. Крестоносное движение, за которым в предыдущее столетие на Руси следили с интересом и сочувствием, становится орудием экспансии и борьбы с вчерашними союзниками, а ныне — «схизматиками» и еретиками.

Таким образом, лишь в первом десятилетии XIII века религиозные противоречия между Западом и Востоком окончательно превратились в фактор эскалации политического конфликта между Русью и Польшей, тогда как на более ранних этапах конфликты между этими странами, если и случались, то не представляли собой долговременной тенденции и не носили идеологического характера, а принадлежность к разным церковным юрисдикциям не перевешивала чувства общей причастности к христианскому миру.

Источники и принятые сокращения

1. «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях. — Москва : Издательство Московского университета, 1987. — 260 с.
2. ГВЛ — *Галицко-Волынская летопись*. — Санкт-Петербург : Алатейя, 2005. — 424 с.
3. *Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия* / ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — Том 4. Западноевропейские источники. — 512 с.
4. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей*. — Ленинград : Академия наук СССР, 1926—1928. — Том 1. Лаврентьевская летопись. — 379 с.
5. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей*. — Ленинград : Академия наук СССР, 1949. — Том 25. Московский летописный свод конца XV века. — 462 с.
6. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей*. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — Том 2. Ипатьевская летопись. — 648 с.
7. *Щавелева Н. И.* Хроника магистра Винцентия Кадлубка / Н. И. Щавелева // Польские латиноязычные средневековые источники. — Москва : Наука, 1990. — С. 76—140.
8. *Albrici monachi Triumfontium Chronikon* // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae*. — 1874. — Т. 23. — P. 631—950.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. / А. Б. Головко. — Киев : Наукова думка, 1983. — 134 с.
2. *Головко А. Б.* Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI — первая половина XIII в.) / А. Б. Головко // *Rossica antiqua: исследования и материалы*. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. — С. 314—330.
3. *Горовенко А.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах / А. Горовенко. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. — 480 с.
4. *Карамзин М. Н.* История государства Российского / М. Н. Карамзин. — Санкт-Петербург : Типография Н. Грача, 1818. — Том 3. — 220 с.
5. *Карпов А. Ю.* Великий князь Владимир Мономах / А. Ю. Карпов. — Москва : Молодая гвардия, 2015. — 386 с.
6. *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси / Н. Ф. Котляр. — Санкт-Петербург : Алатейя, 2003. — 300 с.
7. *Котышев Д. М.* Переяславский кризис 1130-х годов и политическое развитие Южной Руси / Д. М. Котышев // *Вестник Удмуртского университета. Серия. История и Филология*. — 2016. — № 4. — С. 31—41.
8. *Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха / Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин // *Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию*. — Москва : МГУ, 1962. — С. 204—221.
9. *Майоров А. В.* Поход Романа Мстиславича в Саксонию или в Польшу? / А. В. Майоров // *Вопросы истории*. — 2008. — № 11. — С. 36—49.
10. *Майоров А. В.* Рассказ В. Н. Тагищева о посольстве римского папы к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу: происхождение и атрибуция / А. В. Майоров // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — 2010. — Том 31. — С. 267—281.
11. *Майоров А. В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков / А. В. Майоров // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2009. — № 1/2 (5/6). — С. 250—262.

12. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. — Том 8. — С. 15—227.
13. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. — Москва : Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2009. — 514 с.
14. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. — Москва : Квадрига, 2019. — 496 с.
15. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси : лекции по русской истории / А. Е. Пресняков. — Москва : Наука, 1993. — 635 с.
16. *Рыбаков Б. А.* Рождение Руси / Б. А. Рыбаков. — Москва : Эксмо, 2012. — 352 с.
17. *Толочко А. П.* Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: опыт историко-европейского исследования / А. П. Толочко // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 1995 г. — Москва : Наука, 1997. — С. 240—262.
18. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. / В. Л. Янин. — Москва : Наука, 1970. — Том 1. — 324 с.
19. *Miskiewicz B.* Walki wewnętrzne w Polsce w latach. 1142—1146 / B. Miskiewicz // Europa — Słowiańszczyzna — Polska. — Poznań, 1970. — S. 365—374.
20. *Włodarski B.* Problem jaczynski w stosunkach polsko-ruskich / B. Włodarski // Zarys historii Towarzystwa naukowego w Toruni. — 1959. — Т. XXIV. — S. 7—35.
21. *Wilkievicz-Wawrzynczykowa A.* Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII w. / A. Wilkievicz-Wawrzynczykowa // Ateneum Wileńskie. — 1937. — Т. 3. — S. 1—33.

RUSSIAN-POLISH RELATIONS AT THE TURN OF THE “LONG XII CENTURY”: FROM THE “PEREYASLAVL CRISIS” TO THE DEATH OF ROMAN GALITSKY¹

© **Andrey V. Korenevskiy (2020)**, orcid.org/0000-0002-0617-121X, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), koren@sfedu.ru.

© **Natalia D. Nikolaeva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0841-3294, postgraduate student, Institute of History and International Relations, assistant, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), natp@sfedu.ru.

This article is a continuation of the work “The Polish Vector in the Politics of Vladimir Monomakh and His Successors: from the Lyubeck Congress to the “Pereyaslavl Crisis”, published in the previous issue. The question of the system of Russian-Polish relations during the period of the onset of political fragmentation of Russia (since 1132) and a radical change in the balance of power relative to the Kiev principality is considered in the article. It is proved that the thesis of the religious factor as decisive in Russian-Polish relations does not correspond to the realities of the 30—90s of the 12th century. It is shown that the internal and external political circumstances of the 30—40s of the XII century forced Kiev and Krakow to come closer. It is emphasized that the trend towards rapprochement continues throughout the second half of the 12th century. Particular attention is paid to the nature of Russian-Polish relations at the turn of the XII-XIII centuries. The authors note that the situation in Russian-Polish relations begins to change dramatically in the first decade of the 13th century. Evidence is given that the reasons for the cardinal changes were associated with the political course of the Galician-Volyn prince Roman Mstislavich and the results of the IV Crusade, which marked the beginning of the civilizational split in Europe.

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-39-90057.

Key words: Rus; Poland; XII century; political fragmentation; imperial idea; 'Latin' Europe; civilizational split; Roman Mstislavich.

MATERIAL RESOURCES

- «*Velikaya Khronika*» o *Polshe, Rusi i ikh sosedyakh* [«Great Chronicle» about Poland, Russia and their neighbors]. (1987). Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 260 p. (In Russ.).
- Albrici monachi Triumphontium Chronikon. (1874). *Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae*, 23: 631—950.
- Dzhakson, T. N., Konovalova, I. G., Podosinov, A. V. (eds.). (2010). *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya, 4. Zapadnoevropeyskiye istochniki* [Ancient Russia in the light of foreign sources: anthology, 4. Western European sources]. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. 512 p. (In Russ.).
- GVL — *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galicia-Volyn Chronicle]. (2005). Sankt-Peterburg: Alateyya. 424 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1. Lavrentyevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 1. Laurentian Chronicle]. (1926—1928). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 379 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 2. Ipatyevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 2. Ipatiev Chronicle]. (1998). Moskva: Yazyki russkoy kultury. 648 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete collection of Russian chronicles, 25. Moscow chronicle collection of the late 15th century]. (1949). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 462 p. (In Russ.).
- Shchhaveleva, N. I. (1990). Khronika magistra Vintsentiya Kadlubka [Chronicle of Master Vincent Kadlubka]. In: *Polkiye latinoyazychnyye srednevekovyye istochniki* [Polish Latin-speaking medieval sources]. Moskva: Nauka. 76—140. (In Russ.).

REFERENCES

- Golovko, A. B. (1983). *Drevnyaya Rus' i Polsha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X — pervoy treti XIII v.* [Ancient Russia and Poland in political relations X — first third of the XIII century]. Kiev: Naukova dumka. 134 p. (In Russ.).
- Golovko, A. B. (2006). Slavyane Vostochnoy Evropy i krestovyye pokhody (XI — pervaya polovina XIII v.) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI — first half of the XIII century)]. In: *Rossica antiqua: issledovaniya i materialy* [Rossica antiqua: research and materials]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 314—330. (In Russ.).
- Gorovenko, A. (2011). *Mech Romana Galitskogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [Roman Galitsky sword. Prince Roman Mstislavich in history, epic and legends]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 480 p. (In Russ.).
- Karamzin, M. N. (1818). *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian Government], 3. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. Gracha. 220 p. (In Russ.).
- Karpov, A. Yu. (2015). *Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moskva: Molodaya gvardiya. 386 p. (In Russ.).
- Kotlyar, N. F. (2003). *Diplomatiya Yuzhnoy Rusi* [Diplomacy of South Russia]. Sankt-Peterburg: Alateyya. 300 p. (In Russ.).
- Kotyshev, D. M. (2016). Pereyaslavskiy krizis 1130-kh godov i politicheskoye razvitie Yuzhnoy Rusi [Pereyaslav crisis of 1130s and political development of South Russia]. *Vest-*

- nik Udmurtskogo universiteta. Seriya. Istoriya i Filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series. History and Philology], 4: 31—41. (In Russ.).
- Litavrin, G. G., Yanin, V. L. (1962). Novyye materialy o proiskhozhdenii Vladimira Monomakha [New materials about the origin of Vladimir Monomakh]. In: *Istoriko-arkheologicheskii sbornik. A. V. Artsikhovskomu k 60-letiyu* [Historical and archaeological collection. A. V. Artsikhovsky on the occasion of his 60th birthday]. Moskva: MGU. 204—221. (In Russ.).
- Marks, K. (1957). Vosemnadsatoye bryumera Lui Bonaparta [Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In: *Sochineniya* [Essays], 8. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 15—227. (In Russ.).
- Mayorov, A. V. (2008). Pokhod Romana Mstislavicha v Saksioniyu ili v Polshu? [Roman Mstislavich's hike to Saxony or Poland]. *Voprosy istorii* [History questions], 11: 36—49. (In Russ.).
- Mayorov, A. V. (2009). Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov [Royal title of Galicia-Volyn prince Roman Mstislavich and his descendants]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1/2 (5/6): 250—262. (In Russ.).
- Mayorov, A. V. (2010). Rasskaz V. N. Tatishcheva o posolstve rimskogo papy k galitsko-volynskomu knyazyu Romanu Mstislavichu: proiskhozhdeniye i atributsiya [V. N. Tatishchev's story about the Pope's embassy to the Galicia-Volyn prince Roman Mstislavich: origin and attribution]. *Vspomogatelnyye istoricheskiye dissipliny* [Ancillary historical disciplines], 31: 267—281. (In Russ.).
- Miskiewicz, B. (1970). Walki wewnetrzne w Polsce w latach. 1142—1146. In: *Europa — Slowianszczyzna — Polska*. Poznan. 365—374. (In Pol.).
- Nazarenko, A. V. (2009). *Drevnyaya Rus' i slavyane: (istoriko-filologicheskiye issledovaniya)* [Ancient Russia and the Slavs: (Historical and Philological Studies)]. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 514 p. (In Russ.).
- Pashuto, V. T. (2019). *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Kvadriga. 496 p. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1993). *Knyazhoye pravo v Drevney Rusi: leksii po russkoy istorii* [Princely Law in Ancient Rus: Lectures on Russian History]. Moskva: Nauka. 635 p. (In Russ.).
- Rybakov, B. A. (2012). *Rozhdeniye Rusi* [The birth of Russia]. Moskva: Eksmo. 352 p. (In Russ.).
- Tolochko, A. P. (1997). Konstitutsionnyy proekt Romana Mstislavicha 1203 g.: opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya [Roman Mstislavich's Constitutional Project of 1203: the Experience of Source Study]. In: *Drevneyshiyе gosudarstva Vostochnoy Evropy: materialy i issledovaniya. 1995 g.* [The most ancient states of Eastern Europe: materials and research. 1995 year]. Moskva: Nauka. 240—262. (In Russ.).
- Włodarski, B. (1959). Problem jacwinski w stosunkach polsko-ruskich. *Zapiski historyczne Towarzystwa naukowego w Toruni, XXIV*: 7—35. (In Pol.).
- Wilkiewicz-Wawrzynczykowa, A. (1937). Ze studiow nad polityka polska na Rusi na przelomie XII i XIII w. *Ateneum WileAskie*, 3: 1—33. (In Pol.).
- Yanin, V. L. (1970). *Aktovyye pechati Drevney Rusi X—XV vv.* [Act seals of Ancient Russia X-XV centuries], 1. Moskva: Nauka. 324 p. (In Russ.).